

Феноменология Арона Гурвича: истоки, связи, контекст

Аннотация

Статья посвящена теоретической системе Арона Гурвича как синтезу феноменологии и психологии. Автор прослеживает, с одной стороны, влияние Э.Гуссерля на А.Гурвича, а с другой — интеллектуальную дискуссию с А.Шюцем, который на протяжении двадцати лет был одновременно другом и оппонентом А.Гурвича. Особое внимание в данном контексте уделено идеям У.Джеймса, поскольку его наследие оказало большое влияние и на А.Гурвича, и на А.Шюца. Автор рассматривает, как Арон Гурвич подходил к проблемам повседневности, и делает вывод, что его объяснения и описание социального мира можно во многом рассматривать в качестве альтернативы теоретической системе А.Шюца.

Ключевые слова: феноменология, гештальт-психология, Арон Гурвич, Альфред Шюц, Уильям Джеймс, Эдмунд Гуссерль, жизненный мир

1

Рассматривая развитие феноменологической парадигмы в научном мышлении в целом и в социологии в частности, кроме Альфреда Шюца необходимо выделить еще одного ученого. Речь идет об Ароне Гурвиче. Этот мыслитель интересен для рассмотрения по разным причинам. В первую очередь потому, что он, также как и Альфред Шюц, был учеником Гуссерля. Кроме того, Шюц и Гурвич были очень близкими друзьями и вели постоянный диалог друг с другом. В ходе личных встреч, а также переписки, которая длилась более 20 лет, они обсуждали и уточняли свои концепции, выступали рецензентами будущих книг и научных работ друг друга. Уникальное место Арона Гурвича в феноменологии определяется прежде всего тем, что он развивал свою теорию параллельно с Шюцем и в тесной связи с ним. При этом он имел

собственный исследовательский интерес и подходил к проблемам феноменологии под особым углом зрения, представляя некую альтернативу системе Шюца. В данной статье я буду придерживаться следующей логики: сначала необходимо выяснить, какие теоретические предпосылки кроме феноменологических имел Гурвич, и первым делом нас будет интересовать влияние на него работ Джеймса. После этого рассмотрим отношение Гурвича к системе Гуссерля, то есть эволюцию основных понятий трансцендентальной феноменологии и особенно концепцию “не-эгологического сознания”.

С этим будет логически связан следующий шаг — рассмотрение постулатов гештальт-психологии, которые ученый своеобразным образом синтезировал с феноменологической методологией. Все это подготовит почву для понимания главных методологических постулатов системы Гурвича, то есть его видения феноменологии, ее роли и места в системе гуманитарных наук. Это также прояснит связь системы Гурвича с системой и основными понятиями Альфреда Шюца. И наконец, подойдем к главной цели этой статьи: рассмотрению феноменологической онтологии Арона Гурвича, его классификации социального мира и отношений, в нем складывающихся, которую можно назвать альтернативной Шюцевой или же открывающей другой взгляд на затронутые Шюцем проблемы. Особое внимание будет также уделено трактовке Гурвичем таких фундаментальных для феноменологии понятий, как “жизненный мир”, “релевантность”, “типологизация” и т. д.

Вначале же следует вспомнить некоторые факты биографии Гурвича и сопутствующие им исторические события, которые оказали достаточно сильное влияние на становление и развитие теоретических взглядов ученого.

2

Родившийся в 1901 году в Вильнюсе, Арон Гурвич впоследствии переехал в Германию и получил там образование в разных университетах. По его признанию, он рано познакомился с работами Эдмунда Гуссерля, и с тех пор проблемы феноменологии заняли центральное место в его научных поисках. Кроме того, благодаря Гуссерлю произошло одно из важнейших знакомств Арона Гурвича — знакомство с Альфредом Шюцем, который стал его близким другом и, что более важно, научным “оппонентом”. Вся свою последующую жизнь двое ученых вели между собой постоянные дискуссии о занимавших их проблемах, обсуждали свои научные работы, давали рецензии друг на друга. Альфред Шюц так описал обстоятельства знакомства с Гурвичем и роль в этом Эдмунда Гуссерля: “Именно Эдмунд Гуссерль посоветовал мне в 1935 году во время моей предстоящей поездки в Париж встретиться с д-ром Гурвичем, которого он считал одним из свои самых перспективных студентов. Я был немедленно очарован его личностью, его эрудицией и оригинальностью его философского мышления. С тех пор мне выпала честь следить за развитием его творчества. Я прочитал большую часть его предстоящих книг и глубоко убежден, что его теория поля сознания является одним из гениальных достижений в сфере феноменологической философии, продолжающей работы Гуссерля” [Briefwechsel, 1985: S. 177].

С тех пор ученые постоянно поддерживали связь и приходили на помощь друг другу в трудную минуту. В 1939 году, во время рабочего визита Альфреда Шюца во Францию, произошел захват его тогдашней родины — Австрии — фашистской Германией. Шюц, имевший еврейские корни, вы-

нужден был остаться во Франции. И именно Гурвич помог ему временно устроиться в Париже и вывезти семью из оккупированной Австрии. После захвата Франции в 1940 году уже Альфред Шюц, который к тому времени перебрался в США, хлопотал про выдачу Гурвичу американской визы и помогал тому устроиться в качестве приглашенного преподавателя по философии в Университете Джона Хопкинса.

Как отмечает Эндрю Рек в своей статье “Место Арона Гурвича в американской философии”: “В Америке Гурвич продолжил работу, начатую в Германии и развитую во Франции. Эта работа ... имеет три аспекта. Во-первых, судя по тому, как американские философы восприняли Гурвича, он считался “в первую очередь адвокатом и критическим интерпретатором Гуссерля”. Во-вторых, Гурвич открыл введение в гештальт-психологию для американских философов. В-третьих, он проницательно комментировал философию и психологию Уильяма Джеймса, развивая близость феноменологии с Джеймсовым типично американским прагматическим мышлением” [Reck, 1983: p. 263].

Действительно, эти три аспекта занимали главное внимание Гурвича на “американском” этапе его творчества и тесно переплетались между собой. Так, гештальт-психологией Гурвич увлекся еще в молодые годы. Вместе с тем, как мы уже отмечали, он также рано познакомился с трудами Гуссерля по феноменологии и, как результат, его диссертация (1928), частично опубликованная под названием “Феноменология тематики и чистого Я” [Gurwitsch, 1929], получилась некоторым синтезом этих научных интересов, поскольку была посвящена взаимосвязи феноменологии и гештальт-психологии. Последняя, пожалуй, сыграла свою роль в том, что Гурвич не воспринял разработанную Гуссерлем концепцию трансцендентального Эго, а предложил свое видение в работе под одноименным названием “Не-эгологическая концепция сознания” [Gurwitsch, 1941]. Более детальное рассмотрение этой концепции будет предпринято далее.

Три обозначенные линии анализа стали предметом живого обсуждения и доработки в переписке и при личных встречах Арона Гурвича и Альфреда Шюца¹.

С самого начала они сосредоточились на обсуждении работ Джеймса, ведь оба ученых интересовались его концепцией сознания и пытались использовать ее для своих феноменологических разработок. Оба в своих работах неоднократно ссылаются на Джеймса и, конечно же, посвятили ему специальные статьи либо целые фрагменты в своих монографиях. Выше я уже упоминал о влиянии работ Джеймса на становление системы Альфреда Шюца².

3

В этом контексте необходимо коротко упомянуть о связи идей Джеймса с феноменологией. Эта связь прослеживается очень четко. По сути, идеи

¹ Вообще, как метко назвали свое обсуждение сами ученые, оно было подобно постройке туннеля. Только туннель этот строился с разных концов: поскольку мыслители подходили к одним и тем же проблемам с разных позиций.

² См. напр.: [Schütz, 1971].

Джеймса, его система психологии впоследствии оказали огромное влияние как на основателя феноменологии — Эдмунда Гуссерля, так и на его учеников — Альфреда Шюца и Арона Гурвича. Свое место его идеи нашли также в разработках Мерло-Понти и Сартра.

Так, по признанию самого Гуссерля, он познакомился с работами Джеймса еще в 1894 году, во время преподавания. Особенно Гуссерля заинтересовала работа “Принципы психологии” [James, 1890]. Отсылки к ней и ко всему творчеству Джеймса можно найти в таких трудах Гуссерля, как “Логические исследования” [Husserl, 1900] и “Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология” [Husserl, 1962], в которых он, тем не менее, подвергает критике позиции психолога. Самого же ученого основатель трансцендентальной феноменологии очень высоко оценивал, называя его “отважным и оригинальным человеком”¹.

Как пишет Джеймс Эди, специально посвятивший книгу связи Уильяма Джеймса и феноменологии: “... Уильям Джеймс скрывал в себе аутентичного “феноменолога” в строгом смысле слова, его мышление прошло через аутентичное феноменологическое развитие (хотя это никогда не было его единственной заботой), так что схожести между его мышлением и мышлением Гуссерля и Мерло-Понти не являются неожиданными или внешними, но происходят от определенных фундаментальных открытий, мнений и позиций, логически вовлекающих их всех вместе в общее философское стремление” [Eddie, 1987: p. 22].

Действительно, его исследования во многом предвосхитили проблематику, которая занимала Гуссерля. Так, интенциональность сознания также интересовала Джеймса, и по утверждению комментаторов его творчества, в ее исследовании он пошел дальше Brentano [Spiegelberg, 1982: p. 115].

Джеймс был первым, кто обозначил сознание как временной поток переживаний, которые постоянно меняются. Он предложил разграничение на “объект мышления” (“object of thought”) как объект сознания и “тему” (“topic”) как референт этого объекта в реальном мире. К этому разграничению позже не раз обращались Шюц и Гурвич. Не менее активно они использовали и концепцию Джеймса “порядки реальности” (“orders of reality”). Согласно этой концепции, объекты предстают в нашем сознании по-разному, в разных модальностях. Это утверждение очень близко к феноменологическому подходу. Подобно гуссерлевским “региональным онтологиям” (“regional ontologies”), Джеймс разделяет переживаемые объекты и способ их данности на разные системы, которые, тем не менее, когерентны между собой. Например, он выделяет “воспринимаемые объекты” (“perceptual objects”), “запоминаемые объекты” (“remembered objects”), “фиктивные объекты” (“fictional objects”), “теоретические объекты” (“theoretical objects”), “идолы племени” (“idols of the tribe”) и т.д. [James, 1980]. Подобное разграничение впоследствии предпринял Шюц, который, к примеру, выделял “мир фантазии”, “мир научного теоретизирования” [Schutz, 1962; 1996].

¹ Интересно, что оба ученых имели довольно сходные позиции относительно познания и своего наследия. Оба полагали, что ни один человек не может оставить после себя цельной, нерушимой теоретической системы. А процесс познания для каждого мыслителя они считали длящимся всю жизнь. И даже в конце пути оба чувствовали себя начинающими философами.

Эти “порядки реальности” (“order of reality”) предстают как разграниченные системы, но в то же время они связаны между собой. В противном случае речь шла бы о разорванном сознании. Для того чтобы решить эту дилемму, Джеймс предлагает концепцию порядка, связующего звена между этими разными смысловыми мирами; для него таким организующим и объединяющим элементом является чувство реального мира. Шюц использовал эту концепцию в своей системе. Разным смысловым мирам соответствуют разные напряжения сознания. Наивысшим оно является для мира повседневности, жизненного мира индивида и, таким образом, является “верховой реальностью” (“paramount reality”). Разработки Джеймса в области психологии были активно использованы в феноменологическом подходе применительно к описанию и объяснению социального мира, образования смыслов и знания.

Кроме того, важную роль в творчестве Шюца играют разработки Джеймса в области прагматизма. Так, Альфред Шюц уделил много времени понятию “прагматический мотив”, к которому он возвращается снова и снова в своих работах. Вместе с тем Джеймс не во всем был близок к Эдмунду Гуссерлю и его феноменологической методологии, как и к Альфреду Шюцу — основателю феноменологической парадигмы в социологии.

Джеймс пришел к выводу, что сознание не может быть ничем иным, как “сознанием объектов” (“consciousness of objects”), которые предстают в этом сознании и являются его частью. По сути, сознание всегда сознание чего-либо, на что оно направлено. Разрабатывая эту тему в своих “Принципах психологии” (“Principles of psychology”), Джеймс пошел дальше Brentano и был более близок к феноменологической проблематике, которую впоследствии развил Гуссерль. Однако сама концепция сознания, несмотря на использование Джеймсом понятия “интенциональность”, в корне отличалась от предложенной Гуссерлем. Джеймс не считал, что существует некоторое трансцендентальное Эго, чистое сознание, которое направляет акты сознания и которое, как предполагал Гуссерль, только и остается несомненным после феноменологической редукции. Сознание — это скорее функция, и поэтому оно не может быть объектом, вернее, оно всегда является сознанием объекта. Таким образом, по сути, концепция сознания Джеймса является не-эгологической (если сравнивать ее с концепцией Гуссерля). “Поэтому кажется оправданным утверждать, — делает вывод Джеймс Эди, — что Джеймс принял не-эгологическую теорию сознания на феноменологических основаниях. Он отбрасывает теорию “субстанциональной души”, поскольку душа как принцип объяснения не может быть дана в опыте. Он отдает дань “логической респектабельности” подобной доктрины, однако отбрасывает ее” [Eddie, 1987: p. 42].

Краткий обзор идей Джеймса был необходим для нашего анализа, поскольку разработки этого мыслителя во многом предвещали феноменологические исследования, а со временем и были для них активно использованы. Для Шюца, который применил феноменологический метод для нужд социологии, концепции Джеймса были весьма полезны. Поэтому Уильяма Джеймса можно назвать одним из трех китов, на которые опирается теория Альфреда Шюца. Как правило, в качестве двух других называют Эдмунда Гуссерля и Макса Вебера, что отвечает действительности [Ионин, 1979]. Однако приведенное выше позволяет причислить к этим двум мыслителям и Уильяма Джеймса, учитывая его значимость для развития теории Шюца.

В свою очередь, Гурвич уделил исследованию теории Джеймса не меньше, а может даже больше времени, нежели Шюц. Как уже отмечалось, Гурвич был комментатором и “адвокатом” не только Эдмунда Гуссерля, но и Уильяма Джеймса. Особенно по причине своей заинтересованности психологией. На первых этапах переписки с Шюцем он постоянно возвращается к обсуждению наследия Джеймса и его связи с феноменологической тематикой. Обсуждая с ним свой замысел опубликовать работу, посвященную концепции Джеймса, Гурвич пишет: “Я хотел придать своей работе не только определенный характер, но и сделать особый акцент, чтобы она была мотивацией для феноменологии, а также представила исходные пункты для субъективно осужденной философии” [Briefwechsel, 1985: S. 93].

Впоследствии Гурвич отвел много места обсуждению теории Джеймса в одной из своих главных работ — “Поле сознания” (“Bewusstseinsfeld”). Он обратил особое внимание на сходность проблематик Джеймса и Гуссерля. Введенное Джеймсом различие между “объектом” и “темой” совпадает с Гуссерлевым разграничением. Кроме того, система Джеймса вызывала у Гурвича дополнительный интерес в связи со своими познавательными возможностями и уникальным подходом к определению психологии. Все это приводило, по его мнению, к возможности переосмысления на этом фундаменте феноменологии и гештальт-психологии, наработки которых Гурвич пытался синтезировать в собственном теоретизировании. Он пишет:

“Разрабатывая понятие так называемого “субъективного предмета”, Джеймс выступает за автономию психологии и призывает к более сильной дескриптивной ориентации для феноменологии и гештальт-психологии” [Gurwitsch, 1975: S. 151].

Однако особое значение для феноменологии в целом и для исследований Гурвича и Шюца имела Джеймсова теория “обрамлений” (“fringes”). Эту концепцию можно напрямую связать с концепцией внутренних и внешних горизонтов значений Гуссерля. Обрамление (fringe) — это фон, контекст, который сам не является предметом рефлексии, но благодаря ему объект сознания обретает значение. “Во всем нашем сознательном мышлении, — пишет Джеймс, — присутствуют некоторая ТЕМА или СУБЪЕКТ, вокруг которого вращаются все члены мышления. Отношение к этой теме или интересу постоянно ведет к обрамлению и, в частности, отношению гармонии и диссонанса, содействия или противостояния темы. Любая мысль, качество обрамления которой позволяет нам чувствовать себя “в порядке”, может рассматриваться как мысль, содействующая теме. При условии, что мы только ощущаем ее объект, имеющий место в схеме отношений, в которой также лежит и тема, этого достаточно, чтобы сделать его релевантной и подходящей частью цепочки идей... Наиболее важным элементом этих обрамлений, я повторяю, является просто чувство гармонии или диссонанса, правильного или неправильного направления мышления” [James, 1962: p.143].

Обрамления (fringes) являются важнейшей функцией, поскольку благодаря им происходит упорядочивание тем в сознании, их приведение в единый контекст. Здесь мы снова видим, что разработки Джеймса были тесно связаны, сходны с разработками феноменологов: в частности, теория обрамлений имеет прямой выход на проблематику, которой занимался Альфред Шюц, позволяя описать и объяснить механизмы смыслообразования и его преобразования. Кроме того, эта концепция также может дать ответ на вопрос о том, что такое знание, помочь описать его структуры. Этим Шюц и за-

нялся, применив еще несколько понятий из арсенала Джеймса — “знание о” (“knowledge about”) и “осведомленность” (“acquaintance”).

Следует отметить, что первыми эти понятия использовали другие ученые. В 1865-м философ Джон Гроде сделал различие между тем, что он обозначил как “знание осведомленности” (“knowledge of acquaintance”) и “знание о” (“knowledge-about”). Гроде заметил, что подобные различия делаются во многих языках. Этой проблемой занимался и такой психолог, как Герман фон Гельмгольц.

В 1890 году Уильям Джеймс, соглашаясь с этим различием и принимая терминологию Гроде, развил эти понятия далее: “Я знаком со многими людьми и вещами, о которых я знаю совсем немного, за исключением их присутствия в местах, где я их встречал. Я знаю синий цвет, когда вижу его, и аромат груши, когда пробую ее; я знаю дюйм, когда отмеряю его пальцем; секунду, когда чувствую ее прохождение; попытку внимания, когда предпринимаю ее; разницу между двумя вещами, когда отмечаю ее; однако о внутренней природе этих вещей или о том, что делает их такими, какие они есть, я ничего не могу сказать. Я не могу передать знакомство с ними кому-то другому, кто еще не сделал это сам, не могу описать, например, что такое синий слепому, объяснить ребенку силлогизм или рассказать философу, что такое дистанция сама по себе и чем она отличается от других форм отношения. В большинстве случаев я могу предложить моим друзьям идти в определенные места и действовать определенным образом, и эти объекты, скорее всего, появятся” [James, 1890: p.221].

Эти разработки впоследствии были включены Шюцем в его собственную систему; понятия “знание о” (“knowledge about”) и “осведомленность” (“acquaintance”) и их обсуждения занимают у феноменолога много времени и места.

Как уже отмечалось, существенным различием между Гуссерлем и Джеймсом была “не-эгологическая” Джеймсова концепция сознания. Он отвергал объектность сознания, называя его функцией, сознанием чего-то. Гурвич, подобно ему, также отвергает эгологическое определение, свойственное трансцендентальной феноменологии, однако не отвергает само понятие “Эго”. Он скорее выступает против эгологии, развиваемой в более поздних трудах Гуссерля.

“Не-эгологическую концепцию сознания, — пишет по этому поводу Бернгард Вальденфельс, — которую использует Гурвич, следует понимать в смысле Отрицания. Отрицается в данном случае эгология, то есть учение, согласно которому Эго является фундаментом и центром всех смыслов, а не Эго само по себе” [Waldenfels, 1983: S.25]. Не-эгологической концепция Гурвича является в силу того, что он, как и Джеймс, отвергает наличие трансцендентального центра. Единственное, о чем мы можем говорить, — это эмпирическое Эго. Наиболее четко свою концепцию он изложил в одноименной статье “Не-эгологическая концепция сознания”¹.

По его мнению, в результате феноменологической редукции мы не получаем трансцендентальное Эго как несомненное. Сознание не имеет эгологической структуры, в том смысле, в котором оно представало в системе Гуссер-

¹ По его признанию, она стала результатом изучения американского неореализма и, конечно же, работ Джеймса.

ля. В силу своей интенциональности и решающей роли этого свойства сознания оно всегда является сознанием чего-то, какого-либо объекта.

“Что нам остается после феноменологической редукции, — пишет Гурвич, — так это трансцендентальное сознание как а-личностное и пред-личностное поле. Эго, как все другие объекты, исчезает после феноменологической редукции... В данной концепции сознания нет места для Эго иначе как физического или психофизического — иными словами, нет другого *Эго*, кроме как эмпирическое *Эго*” [Gurwitsch, 1975: p. 293].

Таким образом, Гурвич противопоставляет свою концепцию Гуссерлевому подходу к сознанию. Эго в его понимании является зависимым, оно проявляется лишь в акте рефлексии.

Дискуссия об эгологическом сознании была еще одним пунктом несогласия между Гурвичем и Шюцем. После многих лет обсуждений ученые так и не смогли прийти в этом вопросе к общему знаменателю. Гурвич выстроил свою концепцию, которую можно назвать оппонирующей трансцендентальной эгологии, а Шюц все же более склонялся к гуссерлевской концепции. “Вся не-эгологическая концепция исходит из того, что я могу обратиться лишь к своим мыслям, но никак не к действиям. Я, однако, могу мыслить себя как действующего, и что касается моей особы, в этом я полностью согласен с Гуссерлем, когда он рассматривает мышление в качестве действия особого рода” [Briefwechsel, 1985: S. 105].

Заканчивая рассмотрение влияния Джеймса на Гурвича, стоит отметить, что восприятие Гурвичем идей Джеймса было довольно критичным¹.

По его признанию, они имели более методологический характер и нуждались в существенном развитии. В своем письме Шюцу он пишет: “... значение его (Джеймса. — *А.Ш.*) теории обрамлений состоит в том, что она указывает и раскрывает проблематику, а не в том, что дает ее решение. Что, однако, можно простить философу, поскольку он оставляет это нам, его ученикам” [Briefwechsel, 1985: S. 65].

Действительно, идеи Джеймса были с успехом переосмыслены и применены в феноменологии, в первую очередь, благодаря усилиям Альфреда Шюца и Арона Гурвича. Если для Шюца его наследие послужило для разработки таких тем, как смыслообразование, знание, природная установка и прочих, то для Гурвича позиция Джеймса стала отправной при разработке его собственной теоретической системы, которая стала неким синтезом феноменологии и гештальт-психологии.

Рассмотрение разработок Гурвича в области психологии не является моей задачей в этой статье. Ограничусь указанием на то, что такой синтез, по мнению Гурвича, был очень результативным. Так, в “Поле сознания” (“*Bewusstseinsfeld*”) он отмечает: “Несмотря на различия в психологическом и феноменологическом подходах к сознанию, радикализация некоторых психологических проблем ведет к фундаментальным понятиям феноменологии или, по крайней мере, мотивирует к этому. Продемонстрирую это на основании константности, а также Джеймсового различения “объекта” и “темы мышления”. С другой стороны, феноменологические результаты имеют ценность для психологии и релевантны ей. В этой связи Гуссерль го-

¹ Подобно тому как он критически воспринимал наследие Гуссерля.

ворил о радикальной психологической реформе, основанной на феноменологическом понимании сознания” [Gurwitsch, 1975: S. 130].

4

Таким образом, рассмотрев теоретические предпосылки концепции Арона Гурвича, мы видим, что с самого начала своей научной карьеры он заинтересовался идеями Эдмунда Гуссерля и стал одним из его последователей. Вместе с тем он довольно критично относился к некоторым его постулатам и разрабатывал свою теорию, которая являлась синтезом феноменологии и гештальт-психологии. Заинтересованность проблемами психологии привела Гурвича к работам Уильяма Джеймса, который оказал большое влияние на творчество не только Гурвича, но и Альфреда Шюца. Оба ученых посвятили изучению работ Джеймса много времени и неоднократно упоминают его в своих трудах. У него они позаимствовали концепции “обрамлений” (“fringes”), “порядков реальности” (“orders of reality”), “знания о” (“knowledge about”) и др. Кроме того, влиянием Джеймса можно объяснить то, что Шюц начал разрабатывать концепцию прагматического мотива. В свою очередь, Арон Гурвич сосредоточился на концепции сознания, предложенной Джеймсом. В итоге она легла в основу его собственной концепции “не-эгологического сознания” в противовес трансцендентальной эгологии Гуссерля. Это стало одним из пунктов несогласия между Ароном Гурвичем и Альфредом Шюцем, однако не помешало ученым искать точки соприкосновения и “строить туннель”, поскольку к одним и тем же проблемам ученые подходили с разных сторон. После прояснения теоретических позиций Гурвича, а также его точек соприкосновения с Гуссерлем, Джеймсом и Шюцем, можно приступить к главной задаче: представлениям Гурвича о месте феноменологии среди социальных наук, ее познавательных возможностях, его классификации социальных отношений, а также определению такого фундаментального понятия для феноменологии, как “жизненный мир”. В этом контексте было бы интересно рассмотреть обсуждение этих вопросов между Гурвичем и Шюцем, их аргументацию в защиту своих позиций.

Как уже отмечалось, Арон Гурвич имел собственный исследовательский интерес и поэтому придерживался своей точки зрения на некоторые предложенные Гуссерлем понятия. Одним из них является “жизненный мир”. Гурвич также предложил собственную классификацию измерений социальных взаимоотношений в повседневной жизни. Поэтому его теоретическую систему можно представить в качестве альтернативы системы Альфреда Шюца или по крайней мере как дополняющую ее.

Главной причиной указанных различий стала сосредоточенность Гурвича на проблемах психологии и попытка синтезировать феноменологию и гештальт-психологию, что не могло не отразиться на его исследовательском интересе. Шюц описал эту ситуацию в одном из своих писем к Гурвичу, пытаясь найти причины, почему они не могли достичь согласия по некоторым теоретическим вопросам.

“Различие — надеюсь, если к тому же не противоречие между нами, — состоит в том, что ты делаешь восприятие или математику во всех своих работах отправной точкой и моделью твоих феноменологических усилий, в то время как я предпочитаю рассматривать феноменологические проблемы

сквозь призму отношений музыки и человеческих действий в социальной сфере”, — писал Шюц [Briefwechsel, 1985: S. 306].

В первой части данной статьи мы выяснили, что, подобно Гуссерлю, Гурвич имел особый интерес к анализу сознания. Это также повлияло на его исследование в сфере повседневной жизни. “Имеем ли мы дело с жизненным миром в русле направлений Гуссерлевой ориентации или, следуя направлению экзистенциализма и философской антропологии, имеем дело с человеческим существованием в жизненном мире, при возникновении проблем доступа мы обращаемся к рассмотрению сознания и его актов ... Акты сознания проявляются во всем нашем поведении — во всех наших деяниях, вовлеченностях, обязательствах, надеждах, страхах, действиях и проектах” [Gurwitsch, 1974: p. 12].

Гурвич отталкивается в анализе от концепции сознания и в итоге возвращается к ней. Изучение механизмов восприятия становится доминирующим по сравнению с такими проблемами, как интерессубъективность, смыслотворчество и т.п.

Вместе с тем оба ученых имели общий теоретический фундамент — теорию Эдмунда Гуссерля. И Гурвич, и Шюц приняли его феноменологический стиль мышления и попытались применить его основные идеи в социальных науках. Одной из главных точек соприкосновения между Гурвичем и Шюцем стало изучение повседневной жизни. Однако даже в этой сфере у них происходило множество дискуссий. К примеру, оба ученых предлагали свои дефиниции понятия “жизненный мир”. Арон Гурвич называл свое определение более радикальным, нежели определение Шюца, поскольку включает все сакральное, относящееся к реальности социальной группы. “Если — и в некоторых обществах это присутствует — люди, животные, демоны и т.д., а также мертвые, образуют общность, тогда все они принадлежат к миру повседневного Тут-бытия или реальности, — писал Гурвич. — Понятие “жизненный мир” или “мир повседневного Тут-бытия” и т.д., все же является полемическим понятием. Оно обозначает мир, в котором мы живем и который для нас — или же, напротив, для группы — создает реальность в противоположность “миру”, конструируемому наукой. Если бы мы не имели науки, то данное понятие было бы ни к чему” [Briefwechsel, 1985: S. 361].

“Действительно: наука является сферой реальности, в которой “мир” конструирован, — отвечал Шюц в письме Гурвичу. — Однако так же обстоят дела и со всеми другими реальностями — произведений искусства, “мира” душевнобольных и т.д. Подходящими также являются такие термины, как *episteme*, *doxa*, *methexis*, символы для реальностей “философской провинции”: какое отношение они, однако, имеют к различению сакральное — профанное, я, к сожалению, не вижу” [Briefwechsel, 1985: S. 367].

Гурвич выразил саму суть его с Альфредом Шюцем различий в подходах к изучению социального мира в одном из своих писем: “...в сущности, — писал он, — наши различия лежат в направленности интереса, и это может поспособствовать туннелю. Ты рассматривал структуры поведения существующих в мире людей. Мой интерес состоит в структуре и конституции этого мира самого по себе” [Briefwechsel, 1985: S. 214].

В своем анализе Шюц представлял социального актора в качестве центра жизненного мира, как систему координат, в отношении которой упорядочены все другие объекты. Для обозначения этого ученый использовал по-

нения “нулевая точка” (“Nullpunkt”). “Нулевая точка” — это социальный актор, который в течение своей повседневной жизни встречается других акторов и, в зависимости от их отношений, эти акторы могут быть либо частью его “ближайшего окружения” (“soziale Umwelt”), либо частью “более широкого окружения” (“soziale Mitwelt”).

С первым типом связано отношение, которое Шюц назвал “Ты-установкой” (“Du-einstellung”). Оно обозначает ситуацию, когда социальный актор имеет возможность непосредственно воспринимать и наблюдать другого актора, его жесты и речь. Акторы вовлечены в ситуацию Здесь-и-Сейчас (Hier-und-Jetzt) и могут влиять на поведение друг друга. Ко второму типу — более широкому окружению — относится другое отношение — “Вы-установка” (“Ihr-einstellung”). В этом случае степень анонимности выше. Единственный способ иметь дело с “более широким окружением” — это типизация. Шюц выделяет несколько идеальных типов. Первый из них — “личностный идеальный тип” (“personaler Idealtypus”), который включает в себя Других на основании их личных характеристик. Второй тип получил название “функциональный идеальный тип”, включающий типы поведения, всеобщие принятые в социуме. Этот тип представляет наивысший уровень анонимности. В качестве примера Шюц использовал ситуацию отправки письма. С этим намерением связана уверенность, что после выполнения неких определенных действий (например, наклеивания марки на конверт), некая группа анонимных (незнакомых актору) работников почты, в свою очередь, предпримет ряд действий для того, чтобы доставить письмо. Эти анонимные работники почты представляются здесь не как Другие, но как исполнители определенной функции, под которую актор подстраивает свое поведение.

С другой стороны, целью Гурвича было описание и объяснение разных измерений повседневной жизни. Этой попытке он посвятил работу, позднее опубликованную как “Встречи человека с окружающими в мире ближнего окружения” (“Mitmenschliche Begegnungen in der Milieuwelt”).

Как писал в предисловии этой книги Александр Метро: “Вместо того, чтобы перенять категории “общество” (Gesellschaft), “общность” (Gemeinschaft) и “союз” (Bund) из социологии его времени, чтобы с их помощью охватить различные типы действия, он преследует цель положить в основу опыт действия и его организацию саму по себе в качестве введения для человеческих встреч с окружающими в ситуации партнерства, принадлежности и слияния. Уже здесь можно различить феноменологическую ориентацию его движения: как действующие интерпретируют себя и других в конкретных ситуациях и как они на основании этой интерпретации в конкретных ситуациях взаимодействуют друг с другом, кроме того, важно, с каким типом интеракции от случая к случаю мы имеем дело” [Gurwitsch, 1977: S. xxvii].

5

Изменение классических понятий было результатом исследовательского интереса Гурвича — его попытки использовать феноменологическую методологию для описания измерений повседневной жизни. Остановимся подробнее на этих измерениях.

Первое он назвал “партнерство” (“Partnerschaft”). Это измерение связано с рациональным способом мышления и имеет меньшую эмоциональную

составляющую по сравнению с другими измерениями. “Меня, в качестве партнера, встречает другой человек именно в смысле партнерства... Он становится предметом моего внимания лишь в качестве роли, которую он выполняет в соответствующих ситуациях нашего совместного бытия, на основании его функции в данной ситуации и предстает в определенном понятном смысле. Он предстает передо мной, как мотивированный данной ситуацией, предписывающей ему функцию и роль. Лишь относительно этой роли я имею с ним дело. Его бытие в этой ситуации исчерпывается ролью, носителем которой он является” [Gurwitsch, 1977: S. 155].

Партнерство (Partnerschaft) имеет место в рутинных и формальных коммуникациях социального актора в повседневной жизни. Участники этих коммуникаций предстают друг перед другом как носители определенных ролей — они ожидают выполнения определенных функций друг от друга. По этой причине Гурвич говорит в данном случае о “функциональном понимании”. В качестве примера “партнерства” он использует такие ситуации, как отношения продавца и покупателя, работодателя и работника и т.д. Гурвич подчеркивает, что эти отношения определяются ситуацией, в которой они происходят. Вот почему вовлеченность в партнерство зависит от ситуации как фона и тех ролей, которые исполняет социальный актор в текущий момент. “Человек, — описывает Гурвич, — имеет свои приемные часы, служебное время, рабочие часы и т.д. Кроме этого, человек есть “свободный господин”, то есть человек свободен от роли, которую он играет в те часы. Назначение определенных часов, в которые человек, играя определенную роль, в принципе доступен к услугам каждого, принадлежит к содержанию по умолчанию установленного и всеобщее принятого договора, на основании которого возможно совместное бытие” [Gurwitsch, 1977: S. 171]. “Партнерство” как взаимодействие ради общей цели можно сравнить с понятием “общество” (“Gesellschaft”), в понимании Тённиса. Однако, как уже указывалось, Гурвич намеренно использует иные термины.

Второе измерение получило название “принадлежность” (“Zugehoerigkeit”). Это понятие можно сравнить с другим тённисовским термином — “общность” (“Gemeinschaft”). Объясняя различие между “партнерством” и “принадлежностью”, Гурвич писал: “Свобода встречи и расхождения, характерная для партнерства, здесь (в принадлежности. — А.Ш.) не присутствует. В общности индивид обнаруживает себя уже как состоящего в родстве. Человек рожден в общности, взрослеет внутри нее” [Gurwitsch, 1977: S. 179].

Согласно Гурвичу, “партнерство” является скорее добровольным, в то время как “принадлежность” — предписанной. “Принадлежность” отличается большей долей эмоционального вовлечения социальных акторов, поскольку они имеют общую историю, будучи носителями определенных традиций. В этом случае индивиды объединены принадлежностью к чему-то общему.

“Мы определяем принадлежность, — писал Гурвич, — к соответствующей общности как “естественную” в смысле исторических и исторически легитимированных “данностей и предданностей”” [Gurwitsch, 1977: S. 187].

Третье и последнее измерение названо “слияние” (“Verschmelzung”). Это понятие можно сравнить с понятием “союз” (“Bund”). Арон Гурвич использовал понятие “слияние” для описания взаимодействий с наиболее сильной эмоциональной составляющей. В этом случае иррациональность скорее до-

минирует над рациональностью. “Связующее совместное бытие мы описали как слияние, в том смысле, что участвующие в нем персоны переживают себя как воодушевленными одним и тем же “духом”. Харизма, в которой они объединены, в сущности своей является необыкновенной и выходит за пределы повседневности... Преданность харизме и вчувствование в нее всегда имеет характер экстаза...”, — пишет Гурвич [Gurwitsch, 1977: S.210–211].

“Слияние” (“Verschmelzung”) можно назвать противоположностью “партнерства” (“Partnerschaft”). В основе этого измерения лежит нечто трансцендентное повседневной жизни, нечто противоположное рутинным и формальным взаимодействиям “партнерства”. Сравнивая эти два понятия с Веберовскими типами господства, можно отметить, что “партнерство” ближе к рациональному господству, а “слияние” — к харизматическому.

Итак, Арон Гурвич выделил три измерения, названные им “партнерство” (“Partnerschaft”), “принадлежность” (“Zugehoerigkeit”) и “слияние” (“Verschmelzung”). Согласно дефинициям, эти понятия можно связать с такими классическими понятиями, как “общество” (“Gesellschaft”), “общность” (“Gemeinschaft”) и “союз” (“Bund”).

Использование Гурвичем других терминов, как уже отмечалось, было обусловлено отличием его исследовательского угла зрения и направления анализа. Его понятия были призваны описать мир повседневной жизни с феноменологической точки зрения. “То, что мы описали под названиями партнерства, принадлежности и слияния как трех измерений совместной жизни, — писал Гурвич, — точнее являются *модусами* совместной жизни с другими, модусом встреч человека с окружающими (mitmenschlicher Begegnungen) в мире ближнего окружения (Milieuwelt), характеризующегося тем, что мы не противостоим ему, а живем в нем” [Gurwitsch, 1974: S.218–219].

В завершение следует отметить, что теоретическая система Арона Гурвича и его способ анализа социального мира интересны в качестве альтернативы системе Альфреда Шюца. Оба ученых были последователями Эдмунда Гуссерля, и оба пытались применить его интеллектуальное наследие в решении проблем гуманитарных наук. У них был общий фундамент — ведь оба связали свои изыскания с препредикативной сферой повседневной жизни, в которую вовлечены все члены общества. Однако, по причине заинтересованности проблемами психологии, сознания и восприятия, Гурвич имел свою точку зрения и свой ракурс анализа. После двадцати лет переписки с Гурвичем Альфред Шюц подвел итог их дискуссии: “Проблема Гурвича. Ты начинаешь свое исследование с пре-предикативного жизненного мира, уже упорядоченного по типам — таким образом, на втором уровне. ... проблема Шюца: где берут свое начало социализация и интересубъективность?” [Briefwechsel, 1985: S. 419–420].

Источники

Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ / Ионин Л.Г. — М.: Наука, 1979. — 207 с.

Edie J.M. William James and phenomenology / Edie J.M. — Bloomington : Indiana University Print, 1987. — 111 p.

Gurwitsch A. Phenomenologie der Thematik und des reinen Ich / A. Gurwitsch // Psychologische Forschung. — 1929. — Band 12. — S. 279–381.

Gurwitsch A. A Non-Egological Conception of Consciousness / Gurwitsch A. // Philosophy and Phenomenological Research. — 1941. — Vol. 1. — P. 325–338.

Gurwitsch A. Phenomenology and the theory of science / Gurwitsch A. Hrsg. L. E. Embree. — Evanston : Northwestern University Press, 1974.

Gurwitsch A. Das Bewusstseinsfeld / Gurwitsch A. — Berlin : De Gruyter, 1975. — 355 S.

Gurwitsch A. Die mitmenschlichen Begegnungen in der Milieuwelt / Gurwitsch A. — Berlin : De Gruyter, 1977. — 231 S.

Husserl E. Logische Untersuchungen: Prolegomena zur reinen Logik / Husserl E. — Halle a. S. : Niemeyer, 1900. — 257 S.

Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie : eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie / Husserl E. // Husserliana. Hrsg. von Walter Biemel : Band 6. — Dordrecht ; Bosten ; London : Nijhoff, 1962. — 557 S.

James W. The Principles of Psychology : Vol. 1 / James W. — N. Y. : Henry Holt and Company, 1890.

James W. Psychology: briefer course / James W. — N. Y. : Collier Books, 1962.

Reck A. Aron Gurwitsch's place in American Philosophy / Reck A. // Essays in memory of Aron Gurwitsch ; ed. by Lester Embree. — Washington, D.C. : Center of advanced research in phenomenology and University press of America, 1983. — P. 261–265.

Schutz A. Symbol, Reality and Society / Schutz A. // Collected Papers. — Vol. I. — The Hague : Martinus Nijhoff, 1962.

Schütz A. William James' Begriff des "Stream of Thought" phänomenologisch interpretiert / Schütz A. // Gesammelte Aufsätze. — Band III. — Den Haag : Martinus Nijhoff, 1971. — S. 32–46.

Schütz A. Briefwechsel: 1939–1959 / A. Schütz, A. Gurwitsch ; Hrsg. von Richard Grathoff. — München : Fink, 1985. — 544 S.

Schutz A. Realities from Daily Life to Theoretical Contemplation / Schutz A. // Collected Papers. — Vol. IV. — S. 1. : Kluwer Academic Publisher, 1996. — P. 25–50.

Spiegelberg H. The phenomenological movement: a historical introduction / Spiegelberg H. — The Hague : Nijhoff, 1982. — 768 p.

Waldenfels B. Das umstrittene Ich. Ichloses und ichhaftes Bewusstsein bei A. Gurwitsch und A. Schütz / Waldenfels B. // Sozialitaet und Intersubjektivitaet, Hrsg. Richard Grathoff, Bernhard Waldenfels. — München : Wilhelm Fink Verlag, 1983. — S. 15–30.